

Вербовиков О.В., преподаватель Пружанского аграрно-технического колледжа

СОРОКА-РОСИНСКИЙ: «...МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ ТОВАРИЩАМ»

В.Н. Сорока-Росинский

Педагогический опыт все больше убеждает меня в значимости теоретического и практического наследия Виктора Николаевича Сороки-Росинского (1882–1960). Более того, я уверен: придет час, когда его наследие станет предметом скрупулезного научного исследования и массового внедрения в практику. Приоритет в этом вполне может оказаться в руках белорусской науки, поскольку Сорока-Росинский является нашим земляком. «Но никому не известно, что Виктор Николаевич – уроженец Бреста (25 ноября 1882 г.), где провел детство, учился в прогимназии, после чего вместе с родителями переехал в Новгород, окончил там гимназию и поступил в Петербургский университет. Подтверждением его «брестского гражданства» служит копия выписки из метрической книги Брестского крепостного собора, присланная из музея Новгород-Северского (там он часто бывал, так как там находилось имение его отца), где собрано очень много материалов о Викторе Николаевиче» [6]. – так вспоминает о своем отце его сын Константин Викторович Росинский. «Пусть не смущает разница в написании фамилии – так уж получилось» [6].

Сорока-Росинский выделяется не только широтой и глубиной педагогической мысли – от теории словесности до педагогики, от психопатологии до методики преподавания русского языка, – но и способностью претворения своих идей в жизнь. В этой связи невольно напрашивается аналогия с другим великим ученым-физиком Михаилом Иосифовичем Доливо-Добровольским (1862–1919), который не только разработал теорию трехфазного тока, но и сконструировал трехфазный генератор, трехфазный двигатель и построил трехфазную линию электропередач длиной около 170 км. Если перейти к констатации тех областей знаний, в которых Сорока-Росинский является одним из первооткрывателей, то здесь следует указать на автогогику (наука о самовоспитании), факультативное изучение предметов («Так, например, можно мыслить взаимоотношение классных занятий, обязательных для каждого из учащихся, и клубных занятий, всецело предоставляемых свободному выбору детей» [1, с. 154]), группы продленного дня. «Работая с 1918 г. в школе Путиловского завода, он применил новаторские методы учебно-воспитательного

процесса, вошедшего в золотой фонд советской педагогики: было введено бесплатное питание школьников, создан ученический клуб – продленный день в школе» [1, с. 7]), применен метод анкетирования.

Одним из первых, кто высоко оценил труд Сороки-Росинского, был А.М. Горький, который, в одном из своих писем к А.С. Макаренку назвал его «великомучеником, страсто-терпцем и подлинным героем». А судьба действительно готовила этому подвижнику массу перманентных испытаний. В 1920 г. Сорока-Росинский возглавляет «Школу социально-индивидуального воспитания имени Ф.М. Достоевского для трудновоспитуемых» – легендарную «Республику Шкид». Кстати, совершенно неправильно судить о деятельности этой школы по одноименной книге авторов Г. Белых и Л. Пантелеева или другому, тоже популярному произведению П. Ольховского и К. Евстафьева «Последняя гимназия». Хотя эти издания и обеспечили школе неслыханную популярность, они доставили Виктору Николаевичу много неприятностей и страданий. До конца дней он стремился отделить себя от образа Викниксора, доказать, что его педагогическая система была намного глубже и гуманнее, чем это казалось совсем тогда юным 17–19-летним авторам на шумевших произведениях. Его принципиальное несогласие с педагогическим Олимпом привело к тому, что он в 1925 г. был освобожден от занимаемой должности. Затем он еще три года заведовал школой для трудных подростков, пока в 1928 году по отношению к нему не было принято специальное решение – ему официально запретили работать в школе.

Затем он работал в различных учреждениях для психоневротиков, а после разгрома педологов переключился на более спокойную деятельность – методику преподавания русского языка. Его наиболее значительные книги так и не были напечатаны, а сам он, хотя и продолжал упорно работать, так и не получил возможности для дальнейших педагогических экспериментов. В полной мере как истинный патриот Сорока-Росинский переносил все тяготы Ленинградской блокады. Только в августе 1942 года в 60-летнем возрасте дошедшего до последней стадии дистрофии

великого педагога эвакуировали на Алтай. Выйдя на пенсию, он все равно не мог жить без детей и собрал у себя на дому, как он, шутя, называл, «академию». Педагог совершенно бесплатно занимался с отстающими в учебе детьми, беседовал с ними о литературе, истории, искусстве, водил на экскурсии по городу. И погиб В.Н. Сорока-Росинский, можно сказать, на педагогическом посту. Когда его любимая воспитанница Верочка получила свою первую пятерку, Виктор Николаевич решил отпраздновать это событие. Поехал за билетами в панорамное кино и, плохо видя и плохо слыша, попал под трамвай. Это горестное событие произошло 1 октября 1960 г.

Уже в дореволюционные годы Сорока-Росинский заявил о себе весомо и ярко. Его фундаментальные работы «Путь русской национальной школы» и «Национальное и героическое в воспитании» привлекли всеобщее внимание глубиной и оригинальностью рассмотрения сложного и взрывоопасного вопроса. В этой глобальной, не теряющей исторической конъюнктуры проблеме автор однозначно разграничил национальное чувство и зоологический национализм. «Национальное чувство оказалось неисчерпаемым источником героизма, доблести, подвигов, самопожертвования и красоты человеческого духа. В то же время пример Германии показал, до какой бесчеловечной, скотской жестокости, до какой атавистической дикости может довести национальное чувство одну из культурнейших наций, если это чувство превращается в зоологический национализм» [1, с. 125].

Особенную значимость имеет то, что национальные вопросы Сорока-Росинский рассматривал не только как воспитательную цель, но и как мощное (подчас на бессознательном уровне) средство самого воспитательного процесса. «Дело в том, что как отдельный человек, так и разные общественные группы переживают в своем развитии последовательно три фазиса: гетерономии, аномии и автономии. Гетерономия есть такое состояние, когда нравственная жизнь человека и его деятельность регулируются внешними для него факторами, бессознательными и сознательными... Аномия является

одновременно и падением, и возвышением — юноша начинает критически относиться к предписаниям взрослых, начинает вдумываться в привычные авторитеты и приходит постепенно к отрицанию их, причем некоторое время до выработки новых — своих убеждений и умения жить по ним, до наступления времени нравственной автономии он переживает период нравственного нигилизма, «когда все позволено» [1, с. 72].

Эта теория перекликается с биогенетическим законом Фрейда, которого Альберт Эйнштейн в свое время назвал человеком, оказавшим «огромное воздействие на мировоззрение нашей эры. «Согласно этому закону, индивидуальное развитие организма (онтогенез) в краткой и сжатой форме повторяет основные стадии развития всего вида (филогенез). Применительно к ребенку это означало, что, переходя от одного возраста к другому, он следует за теми основными этапами, которые прошел человеческий род в своей истории» [3, с. 20].

Основными факторами в воспитательном процессе Сорока-Росинский считал религию, труд, традиции. Перечисленные компоненты сами по себе не являются педагогическим открытием, но привлекательны акценты, которые делает автор при их трактовке.

Взаимосвязь религии и воспитания, активно муссируемая в настоящее время, практически сводится к величине физического присутствия религии в официальном педагогическом процессе. Сорока-Росинский в религии видит более глубинные, интимные источники, связанные с благоприятными возможностями формирования психики молодого человека. «...Церковь из поколения в поколение воспитывала народы на религиозной музыке и пении и таким образом устанавливала в психике верующих прочные связи между религиозным чувством и мелодией; связи эти, передаваемые от отцов к сыновьям, превращались уже в неизгладимую особенность психики» [1, с. 133].

Весьма откровенно и назидательно высказалась в этом плане Жорж Санд, которая прошла школу воспитания в женском Августинском монастыре английского религиозного братства в Париже. «...Набожность

благоотворно действует на душу, потому что она по крайней мере совершенно убивает самолюбие, и если в некотором отношении она притупляет ум, то зато она очищает душу от множества ничтожных и мелочных интересов...» [7, с. 34].

Что касается трудового воспитания, то для теории здесь давно нет никаких тайн, но практика перманентно ставит и ставит перед истинными педагогами новые вопросы, создает новые проблемы. Скажите, разве это не проблема, если в проекте строящейся санаторной школы-интерната отсутствуют плавательный бассейн, спортивный комплекс, мастерские, теплицы, что в большей мере напоминает интернат для престарелых, а не учебное заведение. Сорока-Росинский в петроградских стесненных условиях имел незаурядную смелость придать своей школе направленность на творческую интеллектуальную познавательную деятельность. Оказавшись в Шкиде, ее воспитанники попадали в атмосферу напряженного интеллектуального труда — в день проводилось по 10 уроков. Но главным воспитателем в школе оказывалось творчество. Журналы, которые создавали сами подростки, спектакли, постоянно ставившиеся педагогами и их воспитанниками, увлекали всех атмосферой соревновательности, стремления подняться к вершинам творчества. Причем в Шкиде всё это носило характер настоящих «эпидемий». Дух напряженной интеллектуальной деятельности заражал всех. Умение придать любому виду трудовой деятельности творческий интерес — один из критериев профессионализма учителя. Уместным в этой связи будет обращение к творчеству Ф. М. Достоевского. «Мне пришло раз на мысль, что если б захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием, так что самый страшный убийца содрогнулся бы от этого наказания и пугался его заранее, то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмысленности» [4, с. 223].

К великому сожалению, мы являемся свидетелями тяжких последствий разрыва исторических, национальных, семейных традиций, когда перестроечная лавина смела советские

традиции и не успела создать новые. Эту ситуацию Сорока-Росинский охарактеризовал в свое время лучше всякого нынешнего современника. «...Замечается резкий разрыв широких масс с прежними условиями жизни и резкий переход к новому, чуждому доселе обиходу; при таком разрыве прежние нравственные начала, испокон веков регулировавшие жизнь, теряют свое значение, и наступает время нравственной анархии, когда старые боги ниспровержены, а новые еще не найдены;...многие так и остаются чужаками в этой высшей, духовно непривычной атмосфере, культурными выскочками, нравственными нигилистами, позабывшими те привычные нравственные традиции, которые испокон веков регулируют жизнь народных масс, и не научившимися ничему, кроме самого широкого и необузданного проявления того инстинкта, который Щедрин обозначил словом «жрать!» и который ныне в грубом виде называется в таком злободневном незалежно муллиганстве, в более же деликатном виде — в беспринципности, в неразборчивости в средствах при достижении личных целей и в нравственной распущенности и неопрятности» [1, с. 134–135].

Панацею от случившихся бед автор видит не в форсировании глобальных, масштабных мероприятий, а в приобщении молодых людей к искусству. «Таким методом может быть музыка и пение, особенно народная песня. Национальная песня и музыка и открывает в душе воспитываемого то интимное родное, что, таясь обычно в бессознательном в области чувств и инстинктов, составляет ядро и самое существенное — основу национальной психики, что одинаково близко и задушевно и уходящим из жизни, и подрастающим поколениям; таким образом, между ними становится возможным духовное, уже сознаваемое родство и преемственность дум, чувств и желаний, стало быть, и преемство культурной работы» [1, с. 134–135]. Говоря о чрезвычайной важности искусства в воспитательном процессе, Сорока-Росинский имеет в виду истинное, высокое, народное искусство, а не то, что ныне принято называть попсой. «Исследование художественного вкуса детей показало, что дети в этом отношении находятся

на уровне первобытных народов; известно, что оглушительная музыка, яркие цвета одинаково нравятся и дикарям, и школьникам...» [1, с. 11].

Нашу официальную педагогику постоянно швыряет от одной крайности к другой: то мы безудержно пленяемся прелестями педологии, то начисто отвергаем ее, уже не видя в ней ничего достойного. И только великим мастерам педагогического цеха удавалось с ювелирной точностью воспользоваться инструментами того и другого направления и получить в результате педагогический шедевр. Тонкий психолог и психиатр, Сорока-Росинский подобрал необходимые ключи к исковерканной войной и лишениями душам своих питомцев. Многие из них были богато одаренными натурами, но с искаленной психикой. Неудивительно, что из питомцев Ичкил вышли десятки писателей, ученых, художников. Как бы оппозируя своим будущим «новаторам-реформаторам», в качестве примера обратился к Г.Д. Лысенко, президенту ВАСХНИЛ в 30–40-е годы, который заявлял, что в Советском Союзе рождаются не люди, а организмы, а людьми — токарями, академиками и пр. — их делаем мы. Сорока-Росинский утверждал: «Душа ребенка вовсе не *tabula rasa* — еще до момента рождения в ней заключается неизмеримо больше материала, чем она получит его потом от внешнего мира; но, разумеется, это не означает возвращения к средневековому учению о врожденных идеях, так как в данном случае в психике подразумевается наследственная, органическая, врожденная наличность каких угодно переживаний, но только не представлений, а тем более не понятий либо идей» [1, с. 108].

Вместе с тем в своей статье «Трудновоспитуемые» автор подчеркивает, что школа должна предельно осторожно подходить к тестированию детей, вынося вердикт «дефективности». «Ньютон считался в школе очень неспособным учеником; Бисмарк еле-еле мог двигаться вперед и тоже считался тупицей; Линней только по счастливой случайности не закончил своей карьеры ремеслом сапожника; Уатт определенно считался дефективным в умственном и невропсихическом отношениях; на Корнелия и Свифта махнули

было рукой и родители, и воспитатели; Ч. Дарвин в юности был типичным шалопаем и лентяем; Ж.Ж. Руссо был дефективен во многих отношениях. И все-таки эти люди оказались талантливыми: может быть, именно в силу того, что их психика очень и очень уклонялась от нормы...» [1, с. 15].

В целом творчество Сороки-Росинского привлекает своей лаконичностью, откровенностью, новаторством. В качестве примера обратимся к некоторым его авторским дефинициям. «Педагогика, считающая своей задачей уход за психикой воспитываемых...» [1, с. 58]; «Целью всякого воспитания является не сообщение бездейственных познаний пассивно внимающему ученику, а тренировка его, обучение различным действиям и превращение их из сознательных, требующих особого усилия и внимания волевых актов в простые привычные действия, исполняемые автоматически» [1, с. 130]; «Школа должна облегчить переход снизу вверх, превратившись в истинную школу нравственной и волевой тренировки, дабы ее питомцы не умножали собой массы нынешней интеллигентщины, но становились молодой, демократической или, лучше сказать, народной интеллигенцией» [1, с. 81]. Здесь автор имел в виду чеховское понимание «интеллигентщины»: «Украинская университетскими значками, но вечно пьяная, неопрятная, неряшливая, нетерпимая, она годна лишь на то, чтобы принадлежать либо к угнетателям, либо к угнетенным, рассуждать о Дарвине, но жить, как печенеги» [1, с. 78].

Что касается созданной Сорокой-Росинским системы классификации учителей, «породы педагогов», то в его неоконченной работе «Школа Достоевского» ее в определенной мере можно сравнить с таблицей химических элементов Д.И. Менделеева. Всякая попытка какой-то иллюстрации рассматриваемой классификации в условиях публикации будет выглядеть жалким подобием оригинала – эта работа должна быть настольной книгой каждого педагога. Поэтому ограничимся только ссылкой на педагогическое открытие, сделанное Н.В. Гоголем в его бессмертном «Ревизоре», увидеть которое смог только Сорока-Росинский. «Гоголь первым в нашей литературе показал, на какие две группы делятся педагоги: это учителя, которые ломают стулья, когда дойдут до Александра Македонского, и учителя, которые делают «от доброго сердца» всякие гримасы, когда к ним на урок приходит начальство» [2, с. 40].

Экскурс в мир безбрежных идей, уникальных педагогических экспериментов великого педагога Виктора Николаевича Сороки-Росинского завершим интересным наблюдением, сделанным Т. Яковлевой: «...Кстати, в ветвях генеалогического древа педагогики краются иногда любопытные совпадения. Известно, что В.А. Сухомлинский окончил тот же институт в Полтаве, что в свое время А.С. Макаренко; В.Н. Сорока-Росинский учился в той же гимназии в Новгород-Северском, что и К.Д. Ушинский...» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорока-Росинский, В.Н. Педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1991. – 240 с.
2. Сорока-Росинский, В.Н. Школа Достоевского. – М.: Знание, 1978. – 47 с.
3. Фрейд, З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.
4. Достоевский, Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука, 1988. – Т.3. – 576 с.
5. Яковлева, Т. Такой большой человек... // Комсомольская правда. – 1977. – № 219.
6. Российский, К. Шкид и Викнисор // Заря. – 1982. – № 214.
7. Моруа, А. Жорж Санд. – Минск: Беларусь, 1983. – 416 с.